

1

Мужчина, засыпающий один,
ведет себя как женщина. А стол
ведет себя при этом как мужчина.
Лишь Муза нарушает карантин
и как бы устанавливает пол
присутствующих. В этом и причина
ее визитов в поздние часы
на снежные Суворовские дачи
в районе приполярной полосы.
Но это лишь призыв к самоотдаче.

2

Умеющий любить, умеет ждать
и призракам он воли не дает.
Он рано по утрам встает.
Он мог бы и попозже встать,
но это не по правилам. Встает
он с петухами. Призрак задает
от петуха, конечно, деру. Дать
его легко от петуха. И ждать
он начинает. Корму задает
кобыле. Отправляется достать
воды, чтобы телятам дать.
Дрова курочит. И, конечно, ждет.
Он мог бы и попозже встать.
Но это ему призрак не дает
разлеживаться. И петух дает
приказ ему от сна восстать.
Он из колодца воду достает.
Кто напоит, не захоти он встать.
И призрак исчезает. Но под стать
ему день ожидания настает.
Он ждет, поскольку он умеет ждать.
Вернее, потому что он встает.
Так, видимо, приказывая встать,
знать о себе любовь ему дает.

Он ждет не потому, что должен встать
чтоб ждать, а потому, что он дает
любить всему, что в нем встает,
когда уж невозможно ждать.

3

Мужчина, засыпающий один,
умеет ждать. Да что и говорить.
Он пятерней исследует колтуны.
С летучей мышью, словно Аладдин,
бредет в гумно он, чтоб зерно закрыть.
Витийствует с пипеткою фортуны
из-за какой-то капли битый час.
Да мало ли занятий. Отродясь
не знал он скуки. В детстве иногда
подсчитывал он птичек на заборе.
Теперь он (о не бойся, не года) —
теперь шаги считает, пальцы рук,
монетки в рукавице, а вокруг
снежок кружится, склонный к Терпсихоре.

Вот так он ждет. Вот так он терпит. А?
Не слышу: кто-то слабо возражает?
Нет, Муз он отродясь не обижает.
Он просто шутит. Шутки не беда.
На шутки тоже требуется время.
Пока состришь, пока произнесешь,
пока дойдет. Да и в самой системе,
в системе звука часики найдешь.
Они беззвучны. Тем-то и хорош
звук речи для него. Лишь ветра вой
барьер одолевает звуковой.
Умеющий любить, он, бросив кнут,
умеет ждать, когда глаза моргнут,
и говорить на языке минут.

Вот так он говорит со сквозняком.
Умеющий любить на циферблат
с теченьем дней не только языком
становится похож, но, в аккурат
как под стеклом, глаза под козырьком.
По сути дела взгляд его живой

отверстие пружины часовой.
Зря рывком из грязноватых туч
к его глазам вытаскивает ключ.
И мозг, сжимаясь, гонит по лицу
grimасу боли — впрямь по образцу
секундной стрелки. Судя по глазам,
себя он останавливает сам,
старая не по дням, а по часам.

4

Влюбленность, ты похожа на пожар.
А ревность — на не знающего где
горит и равнодушного к воде
брандмейстера. И он, как Абеляр,
карабкается, собственно, в огонь.
Отважно не щадя своих погон,
в дыму и, так сказать, без озарений.
Но эта вертикальность устремлений,
о ревность, говорю тебе, увы,
сродни — и продолжение — любви,
когда вот так же, не щадя погон,
и с тем же равнодушием к судьбе
забрасываешь лютню на балкон,
чтоб Мурзиком взобраться по трубе.

Высокие деревья высоки
без посторонней помощи. Деревья
не станут с ним и сравнивать свой рост.
Зима, конечно, серебрит виски,
морозный кислород бушует в плевре,
скворешни отбиваются от звезд,
а он — от мыслей. Шевелится сук,
который оседлал он. Тот же звук
— скрипучий — издают ворота.
И застывает он вполоборота
к своей деревне, остальную часть
себя вверяет темноте и снегу,
невидимому лесу, бегу
дороги, предает во власть
Пространства. Обретают десны
способность переплюнуть сосны.

Ты, ревность, только выше этажом.
А пламя рвется за пределы крыши.
И это — нежность. И гораздо выше.
Ей только небо служит рубежом.
А выше страсть, что смотрит с высоты
бескрайней, на пылающее зданье.
Оно уже со временем на ты.
А выше только боль и ожиданье.
И дни — внизу, и ночи, и звезда.
Все смешано. И, видно, навсегда.
Под временем... Так мастер этикета,
умея ждать, он (бес его язвы)
венчает иерархию любви
блестящей пирамидою Брегета.

Поет в хлеву по-зимнему пегух.
И он сжимает веки все плотнее.
Когда-нибудь ему изменит слух
иль просто Дух окажется сильнее.
Он не услышит кукареку, нет,
и милый призрак не уйдет. Рассвет
наступит. Но на этот раз
он не захочет просыпаться. Глаз
не станет протирать. Вдвоем навеки,
они уж будут далеки от мест,
где вьется снег и замерзают реки.